

КНИГИ - МОИ ДРУЗЬЯ

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

СКАЗКИ О РУССКИХ БОГАТЫРЯХ

ВОЛЬГА СВЯТОСЛАВОВИЧ

Закатилось красное солнышко за синие моря, за высокие горы, вышел на небо светлый месяц и вывел за собою весёлый хоровод ясных звёздочек... В эту ночь родился в Киеве могучий богатырь, Вольга Святославич.

В час его появления на свет земля задрожала и синее море взволновалось; звери все поразбежались: олени и туры скрылись в лесной чаще, лисицы и зайцы забрались в свои норы, волки, медведи забились по ельникам, птицы поднялись высоко в небеса, рыба ушла в морские глубины: почуяли все, что гроза пришла, родился могучий богатырь.

Растёт Вольга не по дням, а по часам; громко, словно гром гремит, говорит молодой своей матушке Марии Всеславьевне такие речи:

— Государыня-матушка! Не пеленай меня в дорогие пелёнки, не надевай на меня пояса шёлкового — пеленай меня в булатные латы крепкие, золотой шлем надень мне на буйную голову, в руки дай палку свинцовую тяжёлую, весом в триста пудов!

Подрос могучий Вольга; семи лет отда-
ла его мать учиться; выучился он всяким
наукам и хитростям, да мало ему этого
ученья показалось. Уходил Вольга из дома
в горы высокие, в леса тёмные, к ста-
рым волхвам-мудрецам и научился
у них разным премудростям: на-
учился Вольга оборачиваться яс-
ным соколом, да серым волком,
да гнедым туром с золотыми
рогами.

В двенадцать лет стал Вольга собирать себе дружинushку: три года приходили к нему добрые молодцы, приходили с юга и с севера, и с востока и запада: набралось дружины семь тысяч, все храбрые да сильные молодцы.

И поехал Вольга с дружиною в чистое поле добывать себе славы и богатства.

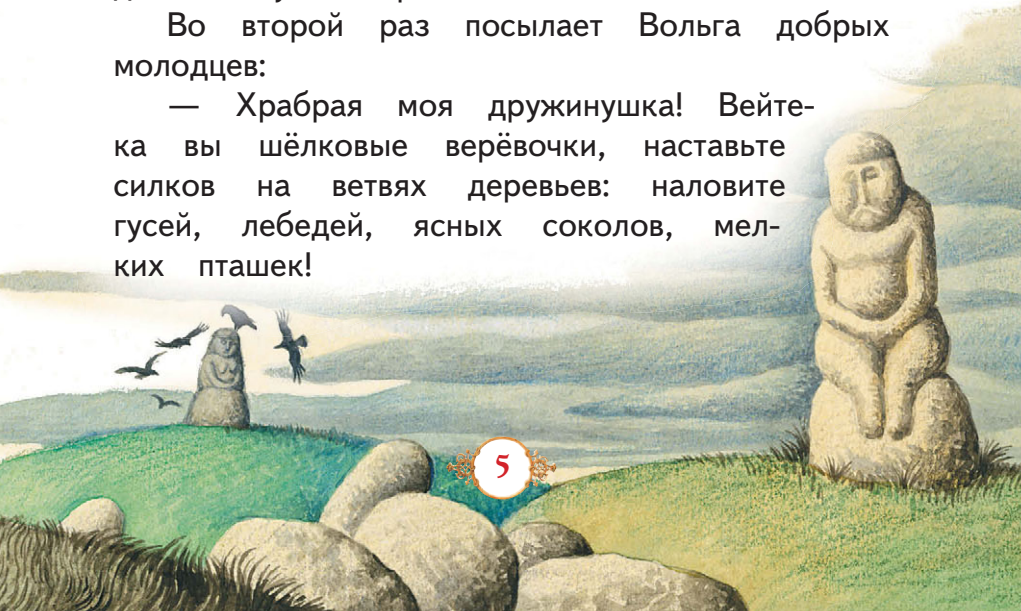
— Храбрая моя дружинushка! — говорит Вольга. — Вейте-ка вы верёвочки шёлковые, ставьте силки по сырой земле, ловите куниц и лисиц, диких зверей и чёрных соболей.

Послушалась дружина: вили верёвки, ставили силки; три дня и три ночи провели за работой добрые молодцы: только не ловится никакой зверь, как нарочно, — вернулась к Вольге дружина с пустыми руками.

Обернулся тогда Вольга львом могучим, побежал в леса, наловил всякого зверя, накормил по-царски свою дружинushку, раздел в шубы чёрного соболя.

Во второй раз посылает Вольга добрых молодцев:

— Храбрая моя дружинushка! Вейте-ка вы шёлковые верёвочки, наставьте силков на ветвях деревьев: наловите гусей, лебедей, ясных соколов, мелких пташек!

Три дня и три ночи провела на охоте дружинushка Вольги: ни одной птички в силках не запуталось; пришли к Вольге с пустыми руками. Обернулся Вольга ловчей птицей, взвился стрелой под небеса; наловил всякой птицы, принёс своей дружинushке.

В третий раз говорит Вольга:

— Храбрая моя дружинushка! Возьмите-ка вы стальные топорики, постройте крепкое судно дубовое, забросьте в море невода шёлковые, наловите всякой рыбыны: сёмги и белужинки, и щук и плотвичек маленьких, и осетров дорогих.

Три дня и три ночи пробыли витязи на море; не поймали и одной маленькой рыбки! Не знают, как Вольге и на глаза показаться. Видит Вольга, плохо дело, придётся самому отправляться за добычей. Обернулся он рыбой-щукой, опустился на морское дно глубокое, наловил всякой рыбы; накормил свою дружинushку щедрыми яствами. Живут они себе, поживают, никакой заботы не знают, не ведают.

Пошли однажды по Киеву слухи, что собирается индейский царь войною на славный, стольный город; грозит взять Киев, разорить, Божьи церкви огню предать.

Собрал тут Вольга свою храбрую дружинushку, пошёл в поход к Индейскому царству. Шли день, другой; говорит Вольга дружине:

— Удалые, добрые молодцы, собралось нас здесь ни много ни мало семь тысяч;

нет ли между вами такого человека, который обернулся бы гнедым туром да сбежал бы в Индейское царство, поразведал, что замышляет царь Салтык Ставрुльевич?

Низко кланяется Вольге дружинишка, словно травка ветром к земле пригибается, говорит:

— Нет у нас другого такого человека, кроме тебя, Вольга Святославич.

Обернулся тут Вольга гнедым туром с золотыми рогами и побежал к Индейскому царству: первый прыжок сделал — за версту ушёл, а со вторым и совсем из вида скрылся. Обернулся Вольга потом ясным соколом, прилетел в Индейское царство, сел на окошечко царских палат белокаменных и слышит, как жена царя Салтыка, Елена Азвяковна, говорит своему мужу:

— Идёшь ты, славный царь, войной на святую Русь, а не знаешь, что взошёл на небо светлый месяц, родился в Киеве могучий богатырь, сильный враг твой, Вольга Святославич!

Разгневался тут на жену свою Салтык Ставрुльевич за то, что она его отговаривает на Русь идти да чужого богатыря хвалит; схватил царицу да как ударит её с размаху о каменный пол!

Полетел Вольга прочь от окошка; обернулся зверем-горностаем, пробрался в подвалы, погреба, в высокие терема Индейского царства, перекусил тетивы у тугих луков, отломал железа у калёных стрел и закопал

в землю, чтобы не с чем было воевать Салтыку. И снова Вольга обернулся ясным соколом, взвился высоко под небеса, полетел в чистое поле, где оставил храбрую свою дружинушку. Видит Вольга — спит-почивает дружинушка. Разбудил он добрых молодцев:

— Вставайте, дружинушка моя храбрая, не время теперь спать-высыпаться: пора идти в Индейское царство!

Подошли они к каменной крепкой стене индейского стольного города: высокие

стены и крепкие, железные ворота глухонаглухо заперты, медными засовами заложены.

День и ночь ходят вокруг города царские караулы. На воротах резная решётка мудрой работы: только муравей и может пробраться сквозь узоры решётки: такие они тоненькие да узенькие.

Закручинилась дружина Вольги:

— Напрасно мы тут свои головы сложим: как пробраться сквозь эти мудрёные стены в стольный индейский город!

Слышит Вольга жалобу удалых добрых молодцев, говорит:

— Этому горю можно помочь!

Обернулся Вольга муравьём и дружинишку свою обернул мурашками, и пробрались они за городские стены в славное Индейское царство. Тут обернулись они снова добрыми молодцами на конях, вооружились кинжалами да копьями. Отдал им Вольга такой приказ:

— Ходите вы по Индейскому царству, рубите всех злодеев-воинов; оставьте только в живых семь тысяч красных девушек!

А сам Вольга пошёл в царские палаты к индейскому царю. Сидит царь Салтык Ставрुльевич в своём крепком дворце: заперты железные двери тяжёлыми замками булатными. Толкнул Вольга ногой двери, и слетели крепкие засовы: отворять не понадобилось. Увидал Вольга царя Салтыка да и говорит:

— Вас не бьют, не казнят! — Схватил его за белые руки, ударил о кирпичный пол да и положил на месте.

И стал Вольга сам царём-государем в Индейском царстве, взял за себя замуж прекрасную царицу Елену Азвяковну, а дружинушка его пережилась на душеньках красных девушках.

Щедро наградил Вольга своих добрых молодцев: одарил серебром, золотом; каждому дал табун коней во сто тысяч.

Славит храбрая дружинушка своего удалого князя, и по всей Руси идёт громкая похвала подвигам славного богатыря Вольги Святославича и его удалых, добрых молодцев.

СВЯТОГОР

Силён и могуч богатырь Святогор; не только нет на свете такого человека, который бы с ним на бой вышел, сам Святогор не может совладать со своей силушкой; тяжело ему носить её в себе, чувствует, как силушка по жилам его бьётся, переливается. Вырос Святогор выше лесу стоячего, выпрямится — достаёт до облака ходячего; земля колеблется — моря из берегов выливаются. Только и держат ещё на себе богатыря Святых гор утёсы каменные; они одни выносят на себе его мощь богатырскую.

Выехал однажды Святогор в раздолье — чистое поле и видит — идёт впереди него мужичок небольшой, невидный, идёт — не торопится, на плечах несёт сумочку перемётную.

Едет Святогор час, другой; конь богатырский то вскачь бежит, то рысью, а всё не может догнать прохожего.

— Посто́й немножко, — кричит Святогор мужичку вдогонку, — что за диво: еду, еду, а догнать тебя не могу!

Снял прохожий с плеч сумочку перемятую, положил её на землю и приостановился.

Подъехал Святогор, спрашивает:

— А что лежит у тебя в сумочке?

— Подними, сам узнаешь, — отвечает прохожий.

Стал Святогор поднимать сумочку — а сумочка не шевельнётся, с земли не тронется, сколько ни старается над ней богатырь.

— Экое чудо! — говорит Святогор. — Сколько лет я скитался по свету, а не видал ни разу, чтобы нельзя было поднять, с места стронуть маленькой сумочки перемятой.

Слез Святогор с коня, схватил сумочку обеими руками, собрал всю свою диковинную силушку, приподнял сумочку выше колен, и чувствует старый богатырь, что ушёл он по колена в землю, а по лицу не пот струится от натуги — кровь потекла богатырская.

Говорит Святогор прохожему:

— Добрый человек, скажи, не утаи, что у тебя в сумочке запрятано. Тяжко мне от моей силушки, одной рукой из земли дубы с корнями выворачиваю, а тут не могу поднять такой маленькой сумочки.

Отвечал прохожий:

— В сумке моей вся тяга земная спрятана; не под силу поднять всю земную тягу даже и тебе, старый Святогор.

— А как звать тебя, добрый молодец?

— Зовут меня Микулушка Селянинович.

И стал Святогор спрашивать у Микулушки:

— Скажи мне, молодой Микулушка Селянинович, как мне разузнать о судьбе своей?

— Поезжай-ка, богатырь, всё вперёд до распутья, а потом возьми влево к северным горам. Там у горы стоит под деревом кузница, увидишь в ней кузнеца: он тебе расскажет всю правду о судьбе твоей.

Поехал Святогор дорогой прямою; длился путь его три дня и три ночи; словно ветер нёс богатыря добрый конь, реки, моря перепрыгивал, широкие долины перескакивал.

На третий день пути увидал Святогор кузницу и кузнеца. Куёт кузнец два тонких волоса, огромные мехи раздувает.

Стал Святогор спрашивать кузнеца:

— Что куёшь, добрый человек?

Отвечает кузнец:

— Я кую судьбу: кому на ком жениться. Есть и для тебя суженая, живёт она в царстве Поморском, в престольном городе; только вот уже тридцать лет как лежит больная красная девица, не встаёт с постели.

Не понравилось Святогору это предсказание.

«Поеду я в Поморское царство, — думает себе богатырь, — да убью свою суженую; тогда не надо будет и жениться».

Задумано — сделано. Нашёл Святогор свою суженую; лежит красная девица в бедной избёнке, всеми покинута; вся корой обросла безобразной, двинуться не в силах.

Ударил Святогор девицу своей силою, да тут же сам и запечалился. Оставил на столе пятьсот рублей, чтобы схоронили по чести его суженую, да и прочь ушёл.

А девица очнулась от богатырского удара, посмотрела на себя, подивилась; сошла с неё кора, и стала она красавицей невиданной, неслыханной; очи у ней как у сокола, брови соболиные, сама бела как снег, на щеках румянец, словно заря алая.

Нашла она на столе пятьсот рублей; обрадовалась, накупила товаров, завела торговлю, золотой казной разжилась; пустилась на корабле по морю синему, судьбы искать в странах заморских. Прошёл о ней слух по всей земле: куда ни приедет, весь народ сбегается смотреть на красоту её неописанную. Приехала она к Святым горам, сам Святогор вышел на неё полюбоваться.

«Вот такую красавицу взял бы я за себя замуж!» — думает богатырь.

И девице Святогор полюбился. Сосватались они тут да и поженились. Рассказала однажды Святогору жена молодая о своей прежней жизни: как она больная лежала, как выздоровела, как заезжий богатырь денег ей оставил.

— Да ведь тот богатырь и был я сам! — сказал Святогор.

Подивились тут оба на судьбу свою, порадовались, что Бог их свёл; стали жить-поживать да добра наживать.

Дунай Иванович

Пирует ласковый князь Владимир-Солнышко в стольном своём славном городе Киеве. Гостей видимо-невидимо сидит за столами белодубовыми: тут и князья-бояре, и богатыри могучие; тут и купцы торговые, и мужики деревенские. Длится пир и день и два: вино и мёд рекой льются; нет конца переменам яств сахарных.

Посмотрел Солнышко на весёлых гостей своих, пригорюнился, призадумался да и говорит:

— Все-то здесь у меня на пиру добрые молодцы женатые, у меня одного нет жены, а у вас княгинюшки. Не с кем

жить мне, не с кем совет держать. Кто из вас не знает ли для меня невесты? Чтобы лицом была пригожая и речи умела вести разумные: была бы мне доброй женой, а вам княгинюшкой ласковой.

Молчат все гости в ответ на речь князя. Один только добрый молодец, богатырь Дунай Иванович, вышел из-за стола, поклон князю низкий отдал и промолвил:

— Князь Солнышко! Знаю я для тебя невесту: в Литовском царстве у короля есть две дочери-красавицы: старшая Настасья-королевна всё по полю чистому ездит, ищет подвигов богатырских; младшая Евпраксия живёт дома, сидит в тереме высоком, тридесатью замками заперта, чтобы солнышко не пекло её лица белого, чтобы люди красоты её несравненной не сглазили. Во всём свете не сыскать другой такой красавицы и разумницы, как Евпраксия-

королевна: будет она тебе, князь, хорошей женой, а нам княгиней ласковой.

Понравились Владимиру речи Дуная.

— Возьми ты у меня, Дунаюшка, — сказал он, — сорок тысяч воинов, возьми и казны золотой, сколько надобно, и поезжай скорее в Литву сватать за меня прекрасную Евпраксию: если не отдадут её тебе добром, добудь силою, только привези мне мою суженую, а я тебя награжу всем, чего сам пожелаешь: и городами с пригородами, и сёлами с присёлками, и серебром, и золотом, и скатным жемчугом.

И поднёс князь богатырю чару зелена вина в полтора ведра.

Взял Дунай чару одной рукой, выпил её единым духом — не поморщился; выиграло в нём сердце богатырское, говорит Дунай князю:

— Солнышко Владимир! Не надо мне ни казны, ни воинов. Отпусти только со мной в Литву моего любимого товарища, Добрыню Никитича, да дай нам двух коней неезженных, да две плётки нехлёстаные, да два новых седёлышка черкасских!

И наутро выехали два богатыря из стольного Киева: видели, как они на ко-

ней садились, только не видели, как они в путь-дорогу ехали: вспорхнули добрые молодцы, словно два сокола, — только их и видели.

Едут не день, не два — едут неделю-другую и приехали в Литву храбрую, прямо на двор королевский. Говорит Дунай Добрыне:

— Останься пока, Добрынюшка, около коней во дворе королевском и сам поглядывай на окна палат белокаменных: если что понадобится да позову тебя — поспеши мне на подмогу.

Расстались богатыри. Идёт Дунай во дворец, кланяется королю литовскому в пояс.

Узнал король Дуная, обрадовался.

— Здравствуй, Дунаюшка, куда путь держишь? Ещё послужить мне не хочешь ли? Был ты мне верным слугою: год прожил конюхом, а другой год чашником, а третий стольником; за твои службы усердные посажу я тебя за большой стол, ешь, пей досыта.

— Батюшка король! — отвечает Дунай. — Приехал я с добрым делом: послал меня ласковый Владимир-князь сватать за него дочь твою, прекрасную Евпраксию-королевну. Прислал тебе Солнышко на этом и грамоту свою государскую.

Нахмурился король, разгневался:

— Не за своё ты дело взялся, Дунай Иванович. Где же это видано, чтобы младшую дочь раньше старшей замуж выдавать!

И позвал король своих татар:

— Возьмите-ка вы Дуная за белые руки да заprite его в погреба глубокие, закройте решётками железными, задвиньте досками дубовыми, сырой землёй сверху засыпьте. Пусть погостит у нас в глубоком погребе, на досуге думу раздумает.

Вскочил тут Дунай из-за стола на резвые ноги: как упёрся руками в столы белодубовые — все столы закачались, посуда порассыпалась, напитки поразливались, все татары перепугались. Перескочил тут Дунай через золотой стул, схватил татарина за ноги, стал им направо, налево помахивать. Сам король со страху бегаёт по палате, шубой от Дуная прикрывается, уговаривает доброго молодца:

— Уймись, свет Дунаюшка, не гневайся. Садись лучше со мной за дубовый стол; отдам за князя Владимира дочь свою Евпраксию, дам ей в приданое и коней добрых, и казны, сколько надобно.

— Не умел ты меня, добра молодца свата, честью встретить, так я без тебя управлюсь; сам возьму, что мне понравится!

Пошёл Дунаюшка по палатам королевским: в дверь плечом упрётся — и ключей не надо, двери сами настежь отворяются; и добрался до высокого золотого

терема, где сидела за тридцатью дверьми, тридцатью замками прекрасная королева Евпраксия.

Спрашивает Дунай Евпраксию:

— Пойдёшь ли, красная девица, замуж за нашего князя — Владимира-Солнышка?

Отвечает королева:

— Три года я о том Бога молила, чтобы мне за вашего князя замуж выйти!

Взял тогда Дунай королевну за белые руки, прихватил с собой и слуг королевских, и золотой казны — выходит на двор палат белокаменных, а на дворе Добрынюшка как услышал, что обижают Дуная, принялся с татарами расправляться: уложил народу семь тысяч и псов пятьсот штук без малого.

Увидав Дуная с Евпраксией, унялся Добрыня. Сели богатыри на коней и выехали в раздолье — чистое поле вместе с невестой княжеской.

Говорит по дороге Евпраксия прекрасная:

— Слушай, Дунаюшка Иванович, есть у меня сестрица молодая, Настасья-королева: ездит она в чистом поле, богатырствует, носит доспехи булатные, стрелы калёные пускает; силушку дал ей Бог великую. Смотри, не делай ей зла, если с ней в поле встретишься.

Едут богатыри день, другой, застигли их в пути ноченька тёмная; поставили они палатку белую полотняную, в ногах привязали добрых коней, в головах воткнули

острые копья, в правую руку взяли саблю, а в левую кинжал булатный и легли спать. Спят крепко, отдыхают, однако слышат сквозь сон, как какой-то татарин ездит по чистому полю.

Встали раненько утром, росой умылись, Богу помолились, в путь пустились; слышат — едет за ними татарин в погоню.

Говорит Дунай Добрынюшке:

— Вези-ка ты, Добрынюшка, Евпраксию-королеву в Киев к Владимиру с великою почестью, а я хочу с богатырём силой помериться!

Так и сделали.

Повернул Дунай коня за татариним следом. Ехал долго ли, коротко ли, догнал татарина; не затеял Дунай сразу битвы, стал с богатырём разговаривать:

— Зарычи-ка ты, татарин, по-звериному, зашипи по-змеиному!

Засвистал, зарычал татарин: в чистом поле камушки рассыпались от его крику молодёцкого, травушка полегла, повяла, цветочки с корнями повыдернулись, сам Дунай с коня свалился.

Вскочил Дунай, бросился на татарина; завязалась между ними борьба великая; скоро повалил Дунай татарина на землю, стал богатыря расспрашивать:

— Скажи, добрый молодец, не утаи, как звать тебя по имени, какого ты роду-племени?

Отвечает татарин:

— Если б я тебя с коня сшиб — не стал бы я тебя об имени твоём расспрашивать, а распорол бы булатным кинжалом твою грудь белую.

Уже поднимает Дунай свой кинжал, да вдруг сердце в нём встрепенулось, руки в плечах застоялись, не поднимаются руки на татарина.

Говорит ему татарин:

— Как это не узнал ты меня, тихий Дунаюшка, разве мы прежде по одной дорожке не езживали, за одним столом не сиживали?

Узнал тут Дунай Настасью-королевну, обрадовался.

— Пойдём со мной, красная девица, в церкви Божьей повенчаемся — будешь мне женою!

Сели они на коней и поехали в Киев: успели к тому времени, как в соборной церкви венчали прекрасную Евпраксию с князем Владимиром. Тут же повенчали и Настасью-королевну с Дунаем-богатырём, и затеялся великий пир в палатах великокняжеских.

Пируют день, другой; развеселились гости, сам Дунай на радостях расхвастался:

— На всём свете не найдётся второго такого богатыря, как Дунай Иванович: князя Солнышка женил, самому себе по сердцу жену нашёл.

— Не хвастайся, свет Дунай Иванович, — говорит ему молодая жена, — есть и получше тебя богатыри: никто не

поспорит смелостью с Алёшей Поповичем, учёностью с Добрыней Никитичем. Есть и мне чем похвастаться, даром что я женщина: никто не поспорит со мной умением стрелять из лука. Выйдем-ка в чистое поле; положу я своё колечко серебряное тебе на голову, за колечком поставлю острый нож; как пушу я из лука стрелочку калёную, пройдёт стрела через колечко по острию ножа, расколется на две равные половинки: на глаз будут половинки равны, на вес верны.

— Посмотрим, — говорит Дунай, — не даром ли ты хвастаешься!

И пошли они в поле; стала Настасья стрелы пускать; каждая стрела сквозь колечко проходит, на острие ножа на две равные половинки раскалывается.

Захотелось и Дунаю попробовать своё умение, да не тут-то было. Стал стрелять: первый раз стрелял — не дострелил, а второй раз — перестрелил.

Рассердился Дунай на жену; стыдно ему стало, что она, женщина, лучше его стрелять умеет, и говорит ей грозно:

— Становись-ка в третий раз передо мной — теперь уже выстрелю я как следует, не промахнусь.

Видит Настасья — недоброе муж замышляет, упала перед ним на колени, просит, молит:

— Прости мне, Дунаюшка, похвальбу мою неразумную, побей меня, накажи — только не казни лютой смертью!

Не слушает Дунай, крепкий лук натягивает и пустил стрелу Настасье прямо в темечко, и не охнула бедная, как сноп на землю повалилась.

Спохватился тут Дунай: жалко ему стало молодой жены своей.

— Погубил я душу невинную; пусть же там, где пала головешка белой лебеди, и сокол ясный голову свою сложит!

Взял Дунай свой острый меч и пронзил им свою грудь белую.

И потекла Дунай-река от крови его богатырской, а от крови Настасьи другая потекла быстрая реченька: одна река в другую вливается, на быстрые ручейки распадаются, по земле светлыми струйками разливаются.

Илья Муромец

Под старым городом Муромом, среди лесов дремучих да болот и топей непроходимых, жил в богатом селе Карачарове крестьянин Иван Тимофеевич с женою своей Евфросиньею Яковлевной.

Под старость уже послал им Господь Бог сына, которого они называли Ильёй. Всем бы взял Илюша: был он и ладен, и крепок, и разумом вышел — одно горе — не владел он ни руками, ни ногами, сидел сиднем тридцать лет.

Сидит однажды Илья в избе один-одинёшенек; пора была летняя, страдная, все ушли работать на дальнее поле; сидит Илья, о своей участи горькой раздумывает и слышит, подходят под

окна его избы двое калик прохожих. Стучатся калики в окно:

— Отвори нам дверь, Илья Муромец, пусти к себе в дом калик перехожих отдохнуть по пути.

Отвечает Илья:

— Не могу я, Божьи люди, с места сдвинуться, ворот отворить: сижу я сиднем вот уже тридцать лет, не владею ни руками, ни ногами.

Но повторяют калики свою просьбу и во второй, и в третий раз. Шевельнулся Илья на печи: что за диво! Чувствует, что может встать; резвые ноженьки его держат, руками он владеет. Вскочил Илья

живо с печи, отворяет каликам ворота, в дом их к себе ведёт.

Говорят ему калики:

— Принеси нам испить!

— Добрые люди, — отвечает Илья, — ведь я без рук, без ног!

— Иди себе, иди, Илья Иванович! Нас не обманывай!

Пошёл Илья в погреб; налил чару зелена вина в полтора ведра, приносит каликам. Дали калики Илье испить того вина, спрашивают Илью:

— Много ли в себе чувствуешь силушки?

— Как бы стоял в земле столб до неба, а в столбе было кольцо золотое, — говорит Илья, — взял бы я за это кольцо, всю бы землю разом перевернул.

Переглянулись калики:

— А ну, Илья, принеси нам ещё чашу бражки.

Пошёл Илья в погреб; идёт, по дороге за дуб ухватится — дуб с корнем из земли вырвет, ноги у него по колена в земле вязнут. Принёс он браги; дали ему ещё выпить калики.

— Сколько теперь, Илья, чувствуешь в себе силушки?

— Божьи люди, теперь во мне силушки половинушка!

— Довольно с тебя и этой силушки, — говорят калики, — будешь

ты, Илья, великим богатырём, и смерть тебе в бою не написана; смело можешь выходить в бой со всяким богатырём, не бейся только со Святогором-богатырём — его и сама земля через силу носит, не бейся с Самсоном великим — его стерегут ангелы Божьи, не затевай борьбы с родом Микулы Селяниновича — его любит мать-земля сырая, не трогай Вольгу Святославича — этот, если силой не возьмёт, одолеет тебя хитростью-мудростью.

Слушай ещё, как достать себе коня богатырского: пойдёшь ты в чистое поле, купи первого жеребчика, какого встретишь, поставь его у себя в конюшне на три месяца, откорми пшеницей белояровой. Через три месяца выводи коня в сад три ночи, вываляй в трёх росах утренних, подведи к высокому тыну; как научится конь тын высокий перескакивать по ту и по другую сторону — поезжай на нём куда хочешь.

Тут простились калики с Ильёй и скрылись из глаз. Заснул Илья по их уходе крепким сном богатырским; спал ни много ни мало целых двенадцать дней.

Пришли домой с работы родители и сёстры Ильёвы, увидели, что Илья руками, ногами владеет, изумились, глазам своим не верят, плачут от радости.

Спрашивает Илья у родителей:

— Родители мои милые, где вы весь день работали?

— Работали мы, Ильюша, на лугу-пожне за три версты от дома.

— Сведите меня на ту пожню, укажите мне мою работу!

Стал Илья лес расчищать; старые деревья с корнем повыворотил, повалил, надломил дубы крепкие, распахал поле великое, запрудил корнями речку быструю; столько один в три часа наработал, сколько отец, мать с работниками в три дня не сделали.

Купил себе меж тем Илья жеребчика у мужика-прохожего, как ему калики советовали, дал за него цену неслыханную, пятьсот рублей с полтиною, выкормил, вырастил, в росах вывалял; стал жеребчик конём на диво, Илье верным другом-товарищем.

Пошёл Илья к родителю просить благословения на путь-дорогу, на великие подвиги.

Не гром гремит, не стук стучит — то Илья к отцу речь держит; не сырой дуб к земле клонится, не листочки его расстилаются — то Илья отцу земно кланяется, просит себе благословенья:

— Родимый ты мой батюшка! Дай мне своего благословенья в славный стольный Киев-град поехать, Киевским чудотворцам поклониться, послужить верой-правдой Солнышку Владимиру, постоять за веру христианскую.

Отвечает старый крестьянин Иван Тимофеевич:

— Поезжай с Богом, на добрые дела даю тебе свое благословение родительское; только на худые дела нет тебе моего благословения; не проливай напрасно крови христианской, не делай зла даже и татарину, за сирых, бедных заступайся.

Поклонился Илья отцу с матерью до земли, пошёл снаряжаться в путь-дороженьку: выковал себе из трёх железных полос три стрелы могучие; стал Илья и меч себе разыскивать — только не нашлось по нём меча: возьмёт Илья меч за рукоять, тут рукоять у него в руке и останется.

Сковал тогда себе Илья копьё булатное, доброго коня оседлал: положил войлочные на войлочные, потнички на потнички, поверх всего надел на коня седло черкас-

ское с двенадцатью шёлковыми подпругами, а тринадцатая была всех крепче, из железа выкована.

Пошёл Илья к горе силу пробовать; упёрся в гору — гора свалилась в реку, вода в новое русло повернула, и донине обвал тот старики молодым показывают.

Зашил Илья в ладанку горсть земли родимой, надел её на шею, пустил корочку хлебца по Оке-матушке за то, что тридцать лет кормила его Ока, поила; отстоял службу Божию, сел на доброго коня и поехал в чужедальнюю сторонушку.

Илья Муромец и соловей-разбойник

Приехал Илья Муромец в тёмные леса Брянские, видит перед собою дивное диво: стоят рядом девять дубов могучих, вершиной в облако небесное упираются; пусто всё кругом; глушь, топь непроходимая; бежит из этих страшных мест всякая тварь живая, от злодея Соловья-разбойника, что в дубах развесистых залёг, от людского глаза прячется.

Услышал Соловей топот коня богатырского, засвистал по-соловьиному, зашипел по-змеиному, зарывкал по-звериному; конь под Ильёю со страху на колени пал.

Рассердился Илья Муромец на своего бурушку.

— Ах ты, травяной мешок! Чего боишься? Неужели не слышал никогда рёву звериного, шипу змеиного?

Натянул Илья свой тугой лук; взвилась калёная стрела, угодила Соловью прямо в правый глаз, свалился Соловей с дуба.

Подобрал тут Илья разбойника, привязал к луке коня и поехал с ним в Киев-град.

Было время после обедни воскресной, как приехал Илья Муромец в Киев к ласковому князю Владимиру, прямо на двор великокняжеский; привязал Илья бурушку к столбу посреди двора, наказал бурушке крепко-накрепко:

— Береги пуще глаза Соловья-разбойника, чтоб не ушёл он из стремени булатного.

Вошёл Илья в палаты княжеские, помолился образу Спаса Пречистого, отдал поклон на все стороны, самым низким поклоном поклонился князю с княгинею.

Ласково встретил богатыря Владимир-князь, велел поднести ему чару зелена вина в полтора ведра, стал Ильёу расспрашивать:

— Расскажи нам, добрый молодец, какого ты роду-племени, чтобы нам знать, как называть тебя, величать, какое тебе место дать?

— Ласковый князь, зовут меня Ильёю Ивановичем; родом я из города Муром. Приехал я к тебе в Киев дорожкой прямоезжею, торопился поспеть к заутрене, а и к обедне не поспел. Задержали меня дела важные.

Говорят князю бояре:

— Ласковый князь! Лжёт богатырь, ведь дорога прямоезжая к Киеву заказана вот уже тридцать лет: не даёт Соловей-разбойник ни проезда, ни прохода ни одному человеку.

— Солнышко-князь! Оттого я в дороге и позамешкался, что очищал её от Соловья-разбойника: самого Соловья я привёз на твой широкий двор, к седлу привязанного; не хочешь ли взглянуть на мою удачу богатырскую?

Тут поднялись с места и сам князь и гости, побежали на двор Соловья смотреть.

Стал Владимир Соловью приказывать:

— Зашипи-ка, Соловей Рахманович, по-змеиному, зареви по-звериному.

Отвечает Соловей:

— Не твой хлеб, князь, кушаю, не тебя и слушаю.

Просит Солнышко-князь Илью, чтобы заставил Соловья реветь да шипеть.

— Запеклись у Соловья уста, — говорит Илья, — кровью от раны запечатались; вели, ласковый князь, дать ему чару зелена вина в полтора ведра.

Взял Соловей чару, выпил за один раз, попросил ещё чару пива пьяного да чару мёду сладкого, закусил калачиком крупитчатым.

И велел Илья Соловью засвистать в пол-свиста.

Не послушался Соловей; зашипел, заревел во всю мочь Соловьиную, оглушил в Киеве весь народ православный, сам Владимир-князь к земле пригнулся, подняться не может, прекрасная княгиня Евпраксия еле жива от страху.

Говорит Владимир Илье:

— Уйми Соловья — это шутики пошли плохие!

Расправился тут Илья с Соловьём по своему за все дела его злодейские: схватил его за жёлтые кудри да ударил о серый камень — с тем Соловьём и конец пришёл.

А Илья заслужил себе честь, славу великую; и Владимир-князь затеял новый пир на радостях, что некому больше изводить богатырей могучих, обижать христиан православных.

Илья Муромец и Идолище поганое

ыехал однажды Илья Муромец в чистое поле; день был летний, длинный да жаркий; едет старый Илья, не торопится, отпустил на бурушке поводья шёлковые. Встречает Илья по дороге калику перехожего, говорит ему:

— Здравствуй, старчище Иванище, откуда бежишь, куда путь держишь?

— Иду я, брат Илюшенька, ко святым местам, во святой град Иерусалим, во Иордане-реке искупаться, ко гробу Христову приложиться, а был я только что в Царь-граде славном.

— Всё ли в Царь-граде по-прежнему по-бывалому, — спрашивает Илья, — так же ли в церквах Божьих звонят, такую ли же милостыню дают нищей братии — каликам перехожим?

— Нет, Илюшенька, пришли для Царь-града плохие времена; всё в нём не по-прежнему, да не по-хорошему. Завладел Царь-градом Идолище поганое; нет от него самому царю никакой воли, никому ни милостыни, ни пощады; святые образа из церквей повыносили, саблями порубили; не слышать звону колокольного.

Рассердился Илья на калику:

— Как же ты, старчище Иванище, за церкви Божии не заступился, с Идолищем

в бой не вышел! Силы у тебя вдвое больше, чем у меня самого, а трусости хоть отбавляй. Ну-ка, давай мне скорей твоё платье каличье, шапку земли греческой да палицу в девяносто пудов. Пойду я с Идолищем переvedaюсь, а ты сиди тут, коня моего стереги, пока не вернусь.

Не смеет калика ослушаться Ильи: поменялись они платьем.

Пошёл Илья в Царь-град; каждый шаг по версте делает, земля под ним содрогается.

Говорят татары в Царь-граде:

— Что это за мужик-невежа явился? Шумит, стучит без толку; наше Идолище даром что в две сажени ростом, а шуму такого не делает.

Подошёл Илья к окну царских палат белокаменных, кричит громким голосом:

— Великий царь Константин Боголюбovich, подай мне, ради Христа, золотой милостыньки, пора мне уж перестать странствовать да о душе подумать.

Пошатнулся терем от Ильёва возгласа, хрустальные окна поразбивались, сердце у татар в груди замерло.

Узнал гостя царь Константин Боголюбovich, обрадовался, а Идолище говорит:

— Позови-ка, царь, этого калику сюда в палаты, посади за стол белодубовый, хочу я поговорить с ним; накормим его досыта, напоим допьяна.

Посадили Илью за стол; сел с ним рядом Идолище поганое, стал его выпрашивать:

— Скажи мне, калика, видал ли ты на Руси богатыря Илью Муромца, каков он из себя?

— Как мне не знать Илью; мы с ним братья крестовые; ростом он с меня и лицом на меня похож.

Усмехнулся Идолище:

— Не велик же ваш богатырь! А по-много ли Илья хлеба ест?

— Ест Илья по три калачика крупитчатых, зелена вина пьёт на три пяточка медных.

— Плох же ваш богатырь, — говорит Идолище, — такого богатыря я на ладонь посажу, а другой прикрою — так из него и дух вон выйдет. Вот я — так по три хлеба сразу ем; щей целой бочки едва на обед мне хватает.

— Нашёл чем хвастать! — отвечает Илья. — Вот у нашего батюшки была корова жирная; много она пила, ела, оттого и лопнула, как бы с тобой того же не случилось.

Не понравились татарину эти речи; схватил он нож острый, да как пустит им в Илью; Илья сам отклонился, нож правой рукой отмахнул — попал нож в дубовую дверь; упала дверь с петель, придавила двенадцать татар, что стояли за нею; кого убило, кого ранило; стонут раненые, клянут своё Идолище.

Илья не стал долго раздумывать, хватил Идолище клюкой по голове раз, другой; свалился Идолище на пол, кричит не своим голосом.

Взял его Илья за ноги, стал им помахивать, побивать им татар, сам приговаривает:

— Это оружие по мне: крепок татарин, не рвётся, не разбивается.

Перебил Илья всю силу татарскую; благодарит его царь Константин Боголюбovich, не знает с радости, как Илью принять, чем потчевать! Просит его навсегда в Царь-граде остаться.

— Будешь ты, Илья Иванович, воеводою!
Говорит Илья:

— Добрый царь Константин Боголюбovich! Служил я тебе всего три часа, а заслужил слово ласковое и хлеб-соль обильную — на том тебе великое спасибо. Жаль мне с тобой расставаться, да нельзя бросить своего товарища, поджидает он меня на дороге.

Отпустил Илью Константин Боголюбovich, насыпал ему на дорогу целую миску красного золота, а вторую — чистого серебра, а третью — скатного жемчуга.

Взял Илья с радостью эти подарки, говорит:

— Это я всё заработал!

Распрощался Илья с царём, поехал на поле, где поджидал его старчище Иванище, видит Илья — сидит калика еле жив; не мог с конём богатырским справиться; совсем измучил бурушка калику перехожего. Переменился Илья с каликой платьем, надел опять свои доспехи богатырские, назад в Киев поехал, говорит Иванищу на прощанье:

— Смотри, впредь не трусь! Не выдавай христиан поганым татарам, выручай из беды несчастных — на то тебе и силу Бог дал великую!

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

ил-был в Киеве именитый боярин Никита с женою Мамелфой Тимофеевной, а у них был сынок Добрыня. Рано осиротел Добрынюшка, потеряв доброго отца, но вдова Мамелфа Тимофеевна сумела вырастить своего пригожего, умного сына, обучила его всем наукам и мудростям; вежлив да ласков был Добрынюшка на диво всем, а уж как начнёт в гусли играть — слушают все не наслушаются.

Молод был ещё Добрынюшка, всего-то двенадцати лет от роду, — как разгорелось его сердце ретивое-храброе; захотел он ехать в чистое поле, искать подвигов богатырских.

Говорит ему родимая матушка:

— Молод ты ещё слишком, милый сын, чтобы ездить богатырствовать в чистое поле, но уж если поедешь ты, слушайся моего завета родительского: не купайся в Почай-реке; та река — бурливая, свирепая, средняя волна в ней как стрела бьёт; смотри, чтобы не погибнуть тебе понапрасну.

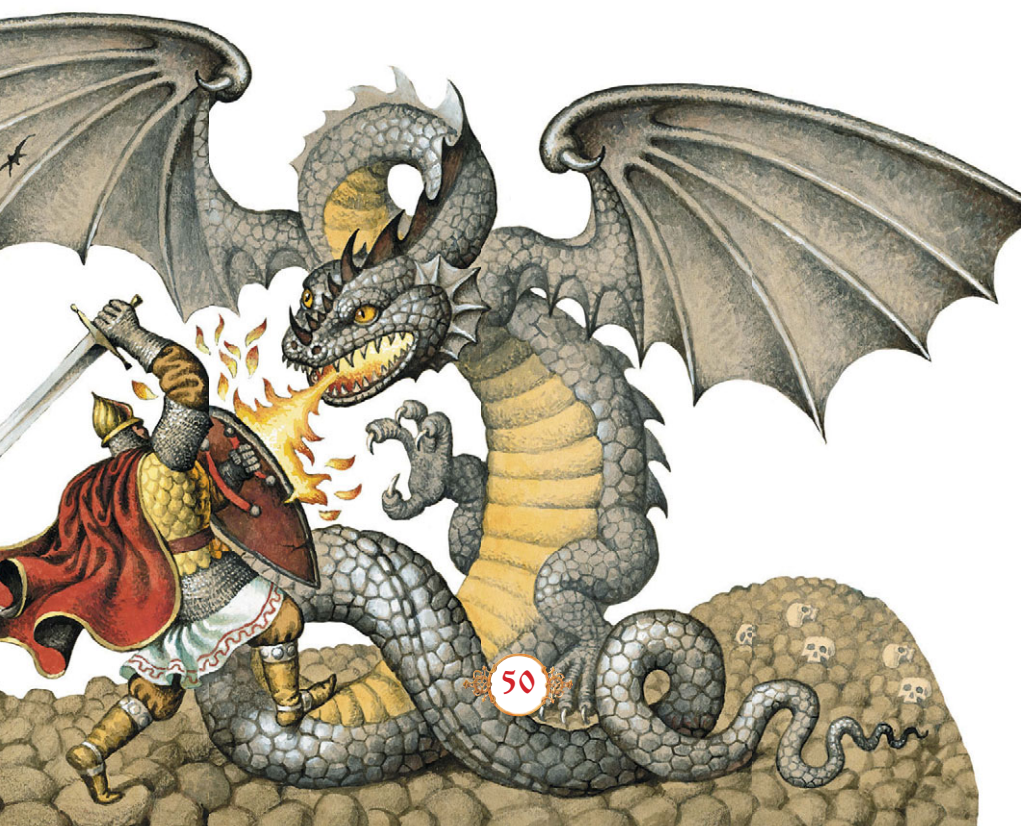
Не послушался Добрыня родимой матушки; идёт он в конюшню, седлает своего доброго коня черкасским седлом: кладёт потнички на потнички, войлочки на войлочки, седло подтягивает двенадцатью шёлковыми подпругами, да ещё тринадцатой железной, чтобы крепко седло держалось, чтобы не сбросил конь по дороге доброго молодца.

И поехал Добрынюшка к горе высокой, где скрывался Змей Горыныч, стерёг злодей православных христиан, своих пленников. Хочет Добрынюшка пленников из беды выручить, потоптать злых змеёнышей копытами коня своего богатырского.

Ехал Добрыня долго ли, коротко ли, подъехал к Почай-реке; а день был летний, солнечный; захотел богатырь выкупаться в Почай-реке.

Слез Добрыня с коня, снял своё платье цветное и поплыл по реке; плывёт и думает себе:

«Говорила мне родимая матушка, будто Почай-река сердитая да бурливая, а она тихая да смиренная — не волнуется, не шелохнётся».

Не успел Добрыня додумать своей думшки, как вдруг откуда ни возмись нашло тучу чёрную, засверкали молнии.

Смотрит Добрынюшка: налетел страшный Змей Горыныч о двенадцати хоботах, кричит богатырю:

— Попался ты теперь, Добрыня, в мои руки, что хочу, то с тобой и сделаю: захочу — задушю, в нору снесу; захочу — сейчас на месте съем.

Нырнул Добрыня под воду, плывёт под водой до берега, на берег вышел, нет на берегу ни коня, ни оружия — одна богатырская шапка лежит под кустиком; набил её Добрыня песком доверху, как хватит шапкой по Змею Горынычу, отшиб ему все двенадцать хоботов; упал змей на траву навзничь. Вынул тут Добрыня кинжал булатный, хочет отрубить змею голову. Взмолился змей:

— Не убивай меня, добрый молодец! Положим мы с тобой такой договор: я не буду больше летать на Русскую землю, забирать в плен православных христиан, а ты не ездь ко мне в чистое поле, не топчи своим конём моих малых змеёнышей.

Согласился Добрыня на этот договор и отпустил змея.

Взвился змей под облака, полетел над Киевом-городом; увидал змей в терему девицу-красавицу, племянницу князя Владимира, Забаву Путятишну. Нарушил змей договор с Добрынею: схватил красавицу, унёс в свою нору.

Ужаснулся князь Солнышко, опечалился; три дня собирал он всяких волхвов-ведунгов, советовался, как бы выручить от злодея племянницу — никто не вызывается князю помочь.

Говорит Алёша Попович:

— Пошли, князь, на выручку к Забаве Путятишне брата моего названного, Добрынюшку; он один поможет тебе в твоей напасти, потому что у них со змеем договор сделан, чтобы змей не смел уводить в плен православных христиан.

Посылает князь Добрыню к змею; не отказывается Добрынюшка от службы богатырской, только вернулся он домой невесел, глубокую думушку раздумывает.

Спрашивает Мамелфа Тимофеевна:

— Что с тобой, что вернулся ты невесел с княжеского пиру, не обидели ли тебя местом, кто-нибудь над тобой не насмеялся ли?

— Нет, родимая матушка, принял меня князь с почётом, никто меня не обидел, только наложил на меня Владимир великую службу, посылает меня выручать от змея Забаву Путятишну.

Говорит мать Добрыне:

— Ляг да отдохни теперь, Добрынюшка, а потом подумаешь, как пособить горю: утро вечера мудренее.

Поутру встал Добрыня раненько; снарядила его матушка в путь-дорогу — дала ему с собой шёлковую плёточку.

— Милое дитяtko, как приедешь ты по чистому полю к горам Сорочинским, где живёт змей со змеёнышами, ударь своего бурушку плёткой промеж ушей, ударь ещё по крутым бёдрам. Станет бурушка скакать, змеёнышей с ног стряхнёт, потопчет всех до одного!

Послушался Добрыня совета своей ма-тушки: как стал у горы Сорочинской на бурушке скакать, забивать змеёнышей до смерти, — выскочил сам змей из норы, говорит Добрыне:

— Зачем, Добрынюшка, нарушаешь наш уговор, побиваешь моих деток?

Рассердился Добрыня на змея:

— Как ты смел, злодей, утащить к себе в нору князеву племянницу! За то я и потоптал твоих змеёнышей. Отдавай мне сейчас Забаву без бою, без ссоры, а то, смотри, плохо тебе придётся!

Не отдал змей племянницы и затеял с Добрыней великий бой: бились они целых три дня, хочет уже Добрыня отступить от змея, да слышит богатырь голос сверху:

— Бился ты, Добрынюшка, с змеем трое суток, бейся ещё три часа — одолеешь змея.

Послушался Добрынюшка хорошего совета; через три часа убил Змея Горыныча; хлынула у змея кровь из раны ручьями, затопила чистое поле; ходит конь Добрыни по колена в крови. Стал просить Добрынюшка мать-сырую землю, чтобы она расступилась, убрала в себя кровь змеиную. Расступилась земля. Спустился тогда Добрынюшка в глубокие подвалы, освободил Забаву Путятишну, а с ней вывел из погребов всех других пленников змея: сорок царей-царевичей, сорок королей-королевичей.

Говорит Добрыня Забаве:

— Много я за тебя странствовал, красна девица, теперь поедem в Киев, отвезу тебя к князю Владимиру.

Поехал Добрыня с Забавой в Киев, наехал по дороге на огромный след богатырский; захотел Добрыня с чужим богатырём помериться силушкой; а тут кстати встречается ему Алёша Попович, его крестовый брат.

Говорит Добрыня Алёше:

— Милый брат названный, отвези-ка ты Забаву Путятишну к князю Владимиру, а я поеду по следу богатырскому.

Повернул Добрыня назад своего коня, догоняет в чистом поле могучую богатыршу Настасью Микуличну, дочь Микулы Селяниновича; захотел Добрынюшка побороться с нею: подскакал к Настасье Микуличне

сбоку, ударил её по голове; богатырша даже и не почувствовала удара Добрыни, едет себе дальше.

Удивился Добрыня: «Неужели растерял я всю свою прежнюю силушку?» Ударил тут Добрыня в крепкий дуб: раскололся дуб на щепочки.

«Нет, — думает себе Добрыня, — со мной моя силушка!» Ещё раз налетел Добрыня на Настасью Микуличну, ударил её сильнее прежнего.

Оглянулась на него богатырша да и говорит:

— Я думала, что меня комарики покусывают, а это богатырь дерётся!

Взяла Настасья Добрыню за русые кудри, подняла одной рукой, спрятала в карман вместе с конём. Едет себе дальше.

Взмолился тут конь Настасьи Микуличны:

— Пожалей меня, Настасья Микулична, не могу больше возить тебя с богатырём да ещё коня богатырского!

Вынула богатырша Добрыню из кармана и говорит:

— А вот я посмотрю на богатыря, если старый да нехороший — так голову ему срублю, а молодой да пригожий — так замуж за него выйду.

И понравился Добрыня Настасье Микуличне; поехали они вместе в Киев к князю Солнышку; сыграли весёлую свадьбу, затеяли почестный пир. Щедро наградил Владимир славного богатыря за его великую службу.

Алёша Попович и Тугарин

В соборного попа ростовского был сын, удалый добрый молодец, Алёша. Научился Алёша на коне ездить, научился мечом владеть и приходит к милому родителю просить благословения на путь-дорогу: хочет Алёша поехать к морю, пострелять гусей-лебедей, малых серых утушек, поискать богатырских подвигов.

Отпустил отец Алёшу в путь-дорогу; вывел Алёша из конюшни своего доброго коня, оседлал его, приговаривает:

— Не оставь меня, добрый конь, в чистом поле серым волкам на растерзанье, чёрным воронам на расхищенье.

Надел на себя Алёша богатырские доспехи, взял с собой доброго молодца, — Екима Ивановича, своего названного брата, и выехал в поле; едут богатыри рядом: нога в ногу, стремя у стремя, плечо о плечо, едут с утра до вечера, нигде не мешкают, у рек перевоза не спрашивают; доехали до распутия трёх дорог; лежит посередине белый камень, а на нём вырезана какая-то надпись.

Говорит Алёша Екиму:

— Ты, братец, человек умный, грамоте разумеешь, прочти-ка, что на камне написано.

Читает Еким Иванович, что одна дорога ведёт в Муром, а другая в Чернигов, третья прямо к городу Киеву.

— Куда поедем? — спрашивает Еким Алёшу.

— Поедем прямо в стольный Киев, к ласковому князю Владимиру.

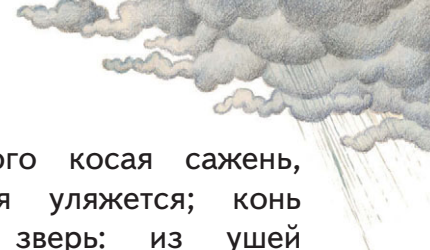
Повернули они коней на дорожку прямоезжую, доехали до Сафать-реки, раскинули на лугу полотняный шатёр, легли богатыри отдохнуть.

Прошла длинная ночь осенняя; встал Алёша рано, росой умылся, Богу помолился. Хотели уже богатыри пуститься в путь-дорогу, да тут подходит к ним калика перехожий, нарядный: разодет в шубу соболью, лапотки у него семи шелков, серебром, золотом расшиты, в руках палица весом в пятьдесят пудов, заморским свинцом налита.

Говорит калика богатырям:

— Добрые молодцы! Видел я сегодня Тугарина Змеевича, чудовище страшное: ростом он в три

сажени, от плеча до другого косая сажень, между глаз стрела калёная уляжется; конь под ним, словно лютый зверь: из ушей дым валит, из ноздрей пламя пышет.

Захотелось Алёше побороться со змеем, просит он калику, чтобы уступил ему ненадолго своё платье, надел пока его богатырское.

Поменялись они одеждой; пошёл Алёша за Сафать-реку. Как увидал его Тугарин — закричал ему громким голосом, так что всколыхнулась мать-земля сырая:

— Гей, калика перехожий, не видал ли ты молодого Алёшу Поповича: я бы его копьём заколол, огнём спалил!

Стоит Алёша еле жив со страху, однако говорит змею:

— Не слышу, что говоришь ты, Тугарин Змеевич, подъезжай поближе, скажи погромче.

Поверил ему Тугарин, подъехал к нему вплотную. Как кинет ему в лоб Алёша палицу свою тяжёлую в пятьдесят пудов — расшиб Тугарину голову; упал змей навзничь.

Снял Алёша с Тугарина цветное платье, ценой во сто тысяч, и на себя надел, сел на змеева коня и поехал назад.

Увидали его Еким Иванович с каликою, испугались, подумали, что сам Тугарин гонится за ними, побежали к городу Ростову. Алёша за ними, кричит:

— Пойдите, братцы!

Куда! Никто его и не слушает. Еким Иванович, со страху не оглядываясь, запустил в Алёшу свою палицу в тридцать пудов весом. Попала палица прямо в грудь молодецкую, упал Алёша на землю. Видит Еким, что враг его свалился с коня, вернулся, выхватил свой кинжал булатный, хочет рубить Алёше грудь белую, да увидал на нём золотой крест — остановился, заплакал горько.

— Наказал меня Бог; убил я своего братца названного!

Стал Еким с каликой приводить Алёшу в себя; влили ему вина в рот, водой его холодной sprysнули; встал наконец Алёша, шатается, словно хмельной.

Переменился потом Алёша с каликой одеждой, надел своё богатырское платье, а Тугариново в сундук спрятал, и поехали они с Екимом Ивановичем в Киев.

Прибыли они на княжий двор, слезли с коней; пошёл Алёша в гридню княжескую; входит — крестом себя осеняет, кланяется на все четыре стороны.

Спросил князь Алёшу об имени, отчестве, посадил его на лучшее место, ласковым словом приветствовал.

Только сел Алёша за стол, видит — отворяются двери гридни, и двенадцать сильных богатырей вносят Тугарина Змеевича: лежит Тугарин на золотой доске, проносят его на лучшее место между князем и княгиней. Как начали разносить кушанья

сахарные, видит Алёша, что Тугарин по целой ковриге хлеба глотает, чашей мёду, величиной с ведро, кушанье запивает.

— Что за невежа, мужик неотёсанный, к тебе, князь Солнышко, на пир попал? — спрашивает Алёша Владимира. — Была у моего батюшки старая собака, жадная на еду; однажды стащила она большую кость да и подавилась! То же будет и с Тугарином.

Почернел Тугарин со злости, однако промолчал на первый раз; Алёша просветлел, словно светлый месяц.

Принесли на стол белую лебедь; взял Тугарин лебедь с блюда, всю зараз проглотил.

Говорит Алёша:

— Ласковый князь, где это видано, чтоб кто-нибудь по целой лебеди зараз проглатывал! Была у моего батюшки старая корова; забрела она раз к подворотне, целый чан браги выпила да и лопнула. То же будет и с Тугарином.

Не вытерпел тут Тугарин, схватил свой кинжал, пустил в Алёшу; увернулся Алёша, а брат его Еким Иванович перехватил кинжал, спрашивает брата:

— Сам ли ты, Алёша, в Тугарина кинжал бросишь или мне велишь?

Отвечает Алёша:

— Ни сам не брошу, ни тебе не веляю: перевожусь я завтра с Тугарином в чистом поле один на один; на заклад ставлю свою буйную голову.

Стали гости князя за Тугарина заклад ставить; ставят бояре по сто рублей, а купцы по пятидесяти, а мужики деревенские по три копейки; все уверены, что несдобровать Алёше. Один владыка Черниговский поручился за Алёшу Поповича. Взмахнул Тугарин своими бумажными крыльями, вылетел из грядни княжеской.

Всю ночь перед боем Алёша молился Богу:

«Пошли, Господи, тучу с дождём да с градом, чтобы размокли у змея бумажные крылья».

Дошли Алёшины молитвы до Спаса Пречистого: полил дождь с градом, размочил Тугарину бумажные крылья; упал злодей на сырую землю.

Поехал тогда Алёша Тугарину навстречу — биться с ним смертным боем; кричит Тугарин Алёше:

— Вот я тебя огнём спалю, а не то конём затопчу или копьём заколю; выбирай, что тебе больше нравится!

Говорит Алёша:

— Нехорошо ты, Тугарин, поступаешь! Хотел биться со мной один на один, а сам ведёшь за собой грозную силу.

Удивился Тугарин речам Алёши, обернулся назад посмотреть, какая такая сила идёт за ним, а Алёше только того и надо.

Подскочил Алёша к Тугарину, срубил ему буйную голову, упала голова змеева на сырую землю. Поднял её Алёша, привязал к седлу, привёз в Киев на княжий двор да тут и бросил.

Обрадовался Владимир-князь:

— Велика твоя служба, славный богатырь: свет ты мне дал увидеть, как избавил меня от Тугарина! Оставайся в Киеве, служи мне верой-правдою; я тебя щедро награжу!

Остался Алёша в Киеве, служил князю верой-правдой не один десяток лет, перебил не одну сотню врагов княжеских.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ

ил-был в Новгороде Великом господин посадский по имени Буслай; до девяноста лет дожил он тихо и мирно: не заводил ссор со Псковом, ладил и с матушкой Москвой, и в Новгороде все любили и уважали его.

Жил Буслай, не старился, да ведь не два века жить на белом свете! Пришла смерть и к Буслаю. Оставил он вдову да единственного сына, Васильюшку. Буслаева вдова была женщина разумная: стала она воспитывать Васильюшку в страхе Божием, научила его письму, чтению церковному, и так хорошо читал и пел Василий в церкви, что народ, бывало, слушает не наслушается, толпой сбегается в соборный храм.

Выучился понемногу Васильюшка и ратному делу и почуял в себе великую, неслыханную силушку; не даёт Василию покоя его силушка: так и толкает его на борьбу, на драку — испробовать удаль молодецкую, удачу богатырскую.

Стал Васильюшка по новгородским улицам погуливать, нехорошие шуточки пошучивать: кого возьмёт за руку — тому руку оторвёт, кого схватит за ногу — тот без ноги останется, кто на ногах стоял — тот сидья сидит, а кто сидел — тот лежмя лежит.

Говорят новгородцы:

— Уймись, Васильюшка, этак ты весь Волхов закидаешь убитыми, да и своей головы тебе не сносить!

Услышав это, пошёл Василий домой, закручинился. Встречает его родимая матушка, Авдотья Васильевна, и спрашивает:

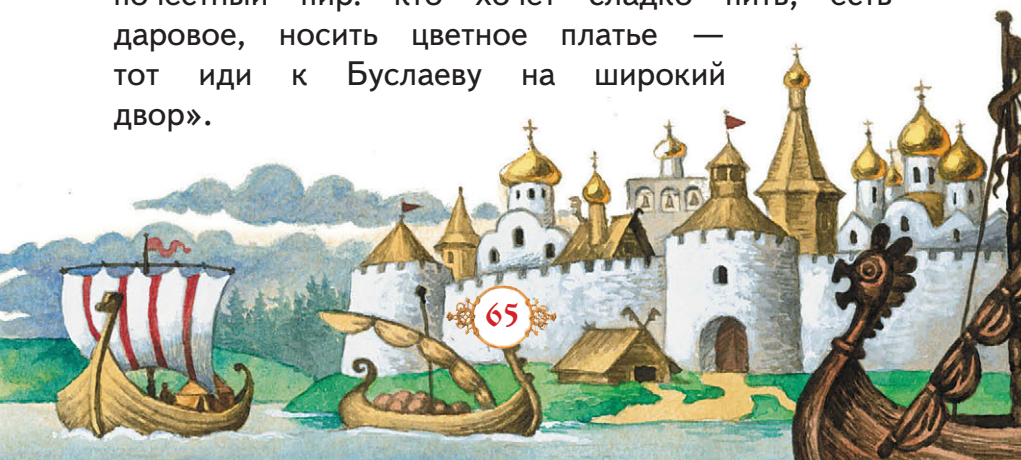
— Отчего, Васильюшка, ты невесел домой вернулся? Не обидел ли тебя кто на улице?

— Никто меня, родная, не обидел — нет такого человека, который был бы мне равен силою; но грозят мне жители новгородские расплатиться со мною за своих убитых.

— Брось, милый сын, свои недобрые шутки, — говорит Авдотья Васильевна, — да набери себе храбрую дружинушку, чтобы было кому постоять за тебя, если захотят твои враги переведаться с тобою.

Послушался Василий материнского совета, сел на ременный стул, принялся писать записочки; каждую записочку привязывал к стреле калёной, расстрелял по разным улицам все свои стрелы.

А в записочках было написано: «Зовёт Василий жителей новгородских к себе на почестный пир: кто хочет сладко пить, есть даровое, носить цветное платье — тот иди к Буслаеву на широкий двор».

Как пошли жители по улицам от вечерней службы, подобрали записки, прочитали их, и все почти собрались на Буслаев двор; всем хочется дарового сладкого угощения — идут толпа за толпой.

На дворе стоит чаша зелена вина в полтора ведра.

Говорит Василий:

— Кто поднимет эту чару одной рукой, выпьет за один раз — того возьму к себе в дружинушку.

— Ну, Василий, — говорят новгородцы, — пришли мы теперь к тебе в гости, всё твоё кушанье съедим, всё твоё вино припьем, цветное платье всё поизносим, золотую казну порастащим.

Не понравились Василию такие дерзкие речи, выскочил он на широкий двор, схватил дубовую палку, стал по двору похаживать и палкой помахивать: махнёт направо — лягут побитые целой улицей, махнёт налево — ложатся переулком; словно градом набило на землю новгородских жителей.

Видит тут Василий Буслаев — идёт к нему в гости Костя Новоторжанин; подходит Костя к чаре зелена вина, берёт чару одной рукой, выпивает её за единственный раз. Выскочил Василий из сеней да как ударит Костю своей дубинкой со всего размаха: стоит Костя, с места не тронется, на голове кудри не шелохнутся.

— Будь моим дружинником, — сказал ему Буслаев, увидав его силу и мужество, — войди в мои палаты белокаменные.

Пришёл за Костей вслед Потанюшка Хроменький, взял чару одной рукой, выпил единым духом, так же как Костя выдержал — не шелохнулся под ударом Буслаевой дубинушки, и его Василий позвал в свою дружину.

Принял к себе Василий и Фомушку Горбатенького и порешил, что с такими товарищами ему больше некого бояться во всём Новгороде.

Была в Великом Новгороде община Никольщина. Собрались однажды братчики все вместе пир пировать: каждый давал старосте свою долю денег, а старосты на те деньги устроили пир.

Собралось на тот пир много князей, бояр, удалых добрых молодцев; не позвали только Василия с дружиною.

Тогда пришёл он на пир незванный, привёл с собой и свою дружинушку. Спрашивает:

— Почём следует с брата?

Отвечают братчики нехотя:

— Званому-то гостю хлеб да соль, а незваному и места нет.

Однако Василий заплатил им по пяти рублей за своих товарищей, а за себя самого пятьдесят рублей дал и говорит им:

— Званным-то гостям почётные места отведены, а незванным самим надо устраиваться!

Идёт Василий с дружиной, никого о дороге не расспрашивает; левой ногой вступили они в горницу, а правой прямо шагнули к большому столу в красный угол, на самое лучшее место; стал Василий правой рукой народ раздвигать: кто на скамье сидел — в угол попал, а из угла его к сеням оттеснили, а оттуда иной и за дверь угодил, и поднялась тут теснота и давка.

Кричит Василий:

— Хотите со мной побиться о великий заклад? Буду я с вами бороться: если одолею вас — заплатите мне денег по три тысячи, а если меня одолеете, повалите хоть до мосту, хоть на мосту — отдам вам свою буйную голову.

— Что ж, мы готовы бороться с тобой, — отвечают новгородцы, — только будем уж всем народом биться с тобой, Василий Буслаев!

И сделали запись об этом великом закладе.

Как проведала о том, что Василий надумал, родная матушка его, Авдотья Васильевна, со страху сердце у ней так и упало:

— Убьют, убьют новгородцы моего милого сына!

Заперла Авдотья Васильевна сына своего дома, дверь закрыла крепкими замками железными, отобрала у него всё оружие, сама насыпала полную чару красного золота, а другую чистого серебра, а третью скатного жемчуга, пошла поклониться новгородскому князю, просит помиловать её любезного сына.

Говорит новгородский князь:

— Ничего не могу для тебя сделать, честная вдова, уже у нас записи сделаны о великом закладе, что держит твой сын; тогда прощу Василия, как голову с него снимут!

Пошла домой Авдотья Васильевна, заплакала горько, все дары свои по земле рассыпала.

— Не дороги мне ни жемчуг, ни золото, дорога победная головушка родимого сына Васильюшки!

Поутру собрались на мосту новгородцы; народу видимо-невидимо, а Василий спит

себе за железными запорами, позабыл, какая беда ждёт его.

Выскочил тут Фомушка Горбатенький; один пошёл против всех новгородцев, перебил силы пятьсот человек; пришёл ему на смену Потанюшка Хроменький, а за ним Костя Новоторжанин, перебили силы видимо-невидимо; только стали уставать добрые молодцы, а много ещё против них новгородцев — всё приходят новые и новые: нет конца борьбе.

В это время мыла на Волхове цветные платья служанка Василия, девушка Чернавушка; кричит ей Васильева дружина:

— Девушка Чернавушка! Не дай нам погибнуть понапрасну, позови к нам Василия на помощь!

Стала Чернавушка к дому Васильеву пробиваться: уложила на месте новгородцев пятьсот человек, разбудила доброго молодца, отворила замки железные, вышел Василий к мосту, говорит своей дружине:

— Храбрая моя дружинушка, подите вы теперь отдохните, я и без вас тут управлюсь.

Стал Василий по мосту похаживать, стал дубинкой помахивать,

побил словно градом новгородских жителей и всё не унимается: пришла беда на новгородских жителей, сам воевода с посадником пошли к Авдотье Васильевне, кланяются ей в пояс, просят, чтоб уняла она своего любезного сына, не то перебьёт Василий весь Новгород!

Отвечает им честная вдова:

— Не могу я ничего сделать для вас теперь: сердит на меня мой милый сын за то, что заперла я его железными замками, спрятала его оружие. Пойдите, поклонитесь его крёстному батюшке, старчищу Питиримищу, может быть, послушает его Василий, уймёт своё сердце.

Выслушал старчище Питиримище просьбу новгородцев, надел шапку-колокол, весом в девяносто пуд, языком колокольным, как дубинкой, подпирается, вышел унимать своего крёстного сына.

— Слушай меня, милое моё чадо: уймись до поры до времени, всей воды тебе из Волхова не вычерпать, не перебить тебе всего Новгорода, да и меня уважь, своего крёстного, не наступай на меня с дубиной!

— А для чего ты, крёстный, не вовремя мне под руку попадаешься? Не шутики ведь я шучу: буйную свою голову отстаиваю!

Поднял Василий свою дубинушку в девяносто пуд да как ударит по колоколу: разбил колокол вдребезги, а ещё раз уда-

рил — и дух вон вышиб из крёстного батюшки.

Тогда сам князь новгородский пошёл к Авдотье Васильевне, поклонился ей великими дарами, упросил, умолил её заступиться за новгородцев.

Надела Авдотья Васильевна смирную чёрную одежду, надела шубку соболью, пошла на мост, зашла Авдотья Васильевна сзади милого сына, положила ему руки на плечи:

— Милый сын! Уйми своё ретивое сердце, просят у тебя новгородцы прощения за свои великие вины.

Остановился тут Буслаев:

— Родимая матушка! Хорошо ты сделала, что зашла сзади меня, а не то убил бы я и тебя, как своего крёстного батюшку: разыгралось моё ретивое сердце, расходились сильные руки... Только ради твоей просьбы помилую я новгородцев, отпущу их великие вины.

И ушёл Васильюшка с места побоища, увёл с собой и свою храбрую дружину.

ОТЧЕГО ПЕРЕВЕЛИСЬ ВИТЯЗИ НА РУСИ

днажды на закате солнца выехало на Сафать-реку семеро русских богатырей, названных братьев; был тут и Илья Муромец, и Добрыня, и Алёша Попович.

Видят богатыри перед собою широкое чистое поле, а среди поля вырос развесистый дуб, дуплистый, старый; около дуба сходятся три дороги: первая ведёт к Новгороду, вторая к старому Киеву, а третья к синему морю — последняя дорога широкая, прямая, только нельзя по ней ездить: уже три года как заняли её разбойники-татары.

Остановились под дубом русские витязи, разложили тут шатёр полотняный, коней пустили на зелёный луг, а сами легли отдыхать. Поутру проснулся Добрыня с зарёю, чистой росой умылся, Господу Богу помолился и оглянулся кругом. Видит Добрыня — за Сафать-рекою стоит белый полотняный шатёр: залёг в нём злой татарин, не даёт проезду конному, не даёт дороги пешему.

Оседлал Добрыня своего доброго коня, положил потнички на потнички, войлочные на войлочные, а сверх всего на коврик надел черкасское седельце, взял своё оружие, сел на коня и ударил своего бурушку по крутым бёдрам: конь от земли отделился, перескочил на другой берег Сафать-реки. Кричит Добрыня татарину:

— Выходи, злой татарин, со мной на честный бой!

Не два ветра в поле слетались, не две тучки в небе сходились: сходились, слетались два удалых витязя, сломались их острые копья, в куски рассыпались булатные мечи.

Сошли тогда витязи с коней, стали биться рукопашным боем; размахнулся Добрыня правой рукою, поскользнулась у него правая нога, упал Добрыня на сырую землю, и разрубил татарин грудь его белую, вынул из неё молодецкое, богатырское сердце.

Встал и Алёша, росой умылся, Богу помолился, вышел из шатра — видит: стоит у шатра конь Добрыни, стоит невесел, копытом землю роет, очи потупил, тоскует по хозяину.

Поскакал тогда Алёша к татарскому шатру, видит он — лежит Добрыня в чистом

поле убитый; очи ясные закатились, опустились руки сильные, на груди запеклась богатырская кровь.

Кричит Алёша:

— Злой татарин-бусурманин! Выходи со мною на честный бой!

Отвечает татарин:

— Худо тебе, Алёша, бороться со мною, из твоего рода все в бою не крепки — не устоишь и ты!

— А ты, молодец, не хвались раньше времени, хвались потом, как одолеешь меня в бою.

Но в бою одолел Алёша татарина; уже заносит меч свой, чтобы срубить ему голову, как, откуда ни возьмись, прилетает чёрный ворон и говорит Алёше:

— Послушайся меня, добрый молодец, не убивай татарина; слетаю я за синее море, принесу тебе мёртвой и живой воды. Спрыснешь ты Добрыню мёртвой водой — срастётся его белое тело, спрыснешь живой — очнётся добрый молодец.

Послушался Алёша ворона. Принёс ворон живой и мёртвой воды, и ожил Добрыня, а татарина богатыри отпустили на волю.

Вот проснулся Илья Муромец, росой умылся, Богу помолился, оглянулся кругом, видит старый казак — на том берегу Сафать-реки собралась несметная татарская сила, столько силы, что ни на коне её не объехать, серым волком не обежать, чёрным вороном не облететь.

Закричал Илья громким голосом, собрал своих названных братьев; сбежались витязи, сели на добрых коней, все врубились в силу татарскую. Долго бились витязи и одолели татарскую силу: кого конём потоптали, кого мечом порубили, и разгорелось в богатырях молодецкое их сердце, расходились могучие руки, стали они похваляться:

— Одолели мы татарскую силу; руки у нас ещё не притомились, кони не утопались!

И сказал тут Алёша безрассудное слово:

— Не только с татарской силой мы можем справиться, но справились бы и с нездешней силою, если б вышла против нас такая.

Не успел Алёша кончить своей речи, а сила небесная тут как тут; явилось двое воинов; лица у них светлые, как день.

И говорят воины русским витязям:

— Давайте померяемся с вами силою, не смотрите на то, что нас двое, а вас семеро.

Не угадали витязи, кто явился перед ними, — как ударил Алёша одного воина

с размаха по голове, разрубил его надвое и видит дивное диво: вместо одного — перед ним двое воинов; разрубил он обоих — и стало воинов четверо.

Кинулся в битву Добрыня; порубил воинов и видит чудное чудо: из каждого воина стало два.

Прискакал Илья Муромец, ринулись в битву и другие богатыри: чем больше рубят, тем больше прибывает у противников их силы; утомились тут у богатырей могучие руки, притоптались добрые кони.

Страх взял богатырей; в первый раз бросились они бежать от врага. Побежали укрыться в каменные горы, в тёмные пещеры. Только — неслыханное дело! Как подбежит к горе богатырь — так и окаменеет: и все до одного превратились могучие богатыри в белые горячие камушки.

И перевелись с тех пор витязи на святой Руси, только не замолкла, не потемнела их слава, и поют поныне деды внукам славные песни об их великих подвигах, о верной их службе Болнышкү-князю и всему народу христианскому.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЛЬГА СВЯТОСЛАВОВИЧ	3
СВЯТОГОР	13
ДУНАЙ ИВАНОВИЧ	18
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ	29
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК	37
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ ПОГАННОЕ	42
ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ	49
АЛЁША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН	57
ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ	64
ОТЧЕГО ПЕРЕВЕЛИСЬ ВИТЯЗИ НА РУСИ	75

Илья Муромец и Соловей-разбойник. Сказки о русских богатырях ; ил. И 49 Игоря Егунова. — Москва : Эксмо, 2014. — 80 с. : ил. — (Книги — мои друзья).

УДК 82-398
ББК 82.3(2Рос)

ISBN 978-5-699-73596-9

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Литературно-художественное издание
әдеби-көркемдік баспа

Для младшего школьного возраста
мектеп жасындағы кіші балаларға арналған

КНИГИ – МОИ ДРУЗЬЯ

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Сказки о русских богатырях

(орыс тілінде)

Художник Игорь Егунов

Ответственный редактор Л. Курдюмова. Художественный редактор И. Лапин

Компьютерная графика И. Успенский. Технический редактор О. Кистерская

Корректор Ю. Иванова

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өңдіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша

арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89, 91, 92, факс: 8 (727) 2 51 58 12 вн. 107, E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>
Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылған

Подписано в печать 01.08.2014. Формат 60х90^{1/16}. Печать офсетная.

Гарнитура «TextBook». Усл. печ. л. 5,0. Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-699-73596-9

9 785699 735969 >

**Всем хорошим во мне
я обязан книгам.**

М. Горький

Чтение – вот лучшее учение!

А. С. Пушкин

Илья Муромец и Соловей-разбойник
Добрыня Никитич
Алёша Попович и Тугарин
Василий Буслаевич
и другие самые лучшие
и любимые сказки

ISBN 978-5-699-73596-9

ЭКСМО

